

Валерия Трембовецкая

ПОСЛЕДНЯЯ КЛЯТВА РОДА ВЕЛЕМИРА

Книга 2.
Была буря. Был бал.

18+

Валерия Трембовецкая

**Последняя клятва рода Велемира.
Книга 2. Была буря. Был бал**

«Автор»

2026

Трембовецкая В. Л.

Последняя клятва рода Велемира. Книга 2. Была буря. Был бал /
В. Л. Трембовецкая — «Автор», 2026

Во второй книге цикла тени Мечиборова Града сгущаются, и каждый шепот в его стенах звучит как предвестие беды. Рада отчаянно ищет ответы: листает древние свитки, расспрашивает старых мастеров, но каждый новый след обрывается. Опасность уже дышит в затылок. Тень черного пожирающего огня подбирается все ближе: проклятый маг выискивает малейшую брешь в защите города, и каждый миг может стать роковым. Беда не только снаружи: в самой Школе зреет предательство — тот, кому верили, готовит удар. За воротами кипит мир: на юге грохочет война, с востока тянет ледяным ветром угрозы, а в княжеских дворах плетутся интриги. И вот в самый разгар этой бури к Раде возвращается огонь — дикий, неукротимый, пугающий даже ее саму. Как встретит это Ратибор? Сможет ли он удержать ее на краю пропасти или сам сгорит в пламени? Раскрой вместе с героями истину, скрытую за завесой древних обетов...

© Трембовецкая В. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мечиборов Град	5
Глава 2. Перстень	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерия Трембовецкая

Последняя клятва рода Велемира.

Книга 2. Была буря. Был бал

Мечиборов Град

Глава 1. Всадник

Портал вспыхнул густым, живым теплом. Рада шагнула первой и словно прорвалась сквозь ледяную стужу прямо в душное лето: камень под ногами пылал, воздух был плотным, тягучим, пропитанным запахом меда, старой кожи и потемневшего от времени дерева. Но уже следующий шаг обрушил на нее осень: сырой, колющий холод рванулся под одежду, ветер пробрался за воротник, будто хотел выстудить до самой кости.

Рада, Злата и Пересвет замерли втроем, привыкая к этому резкому, почти жестокому контрасту: от зноя к промозглой сырости, от густого, пряного воздуха к стилому ветру, что не давал ни на секунду забыть о себе. Время на переодевание перед переходом терять не стали, поэтому стояли сотканые из противоположностей: Рада в черной школьной форме, как тень, Пересвет весь в белом, как застывший, слепящий луч света, а Злата будто живой огонь, сотканный из нитей.

За их спинами в проеме портала догорала руна: она тлела багровым, точно угли, на которые больше не дуют, и постепенно теряла очертания, растворяясь в воздухе, пока совсем не исчезла, словно ее и не было вовсе.

Святозар стоял у стола. Еще до того, как руна вспыхнула, он услышал в камне тихий, едва уловимый стук, доносившийся изнутри стены, и руны отозвались, передавая весть от порога к порогу. Поэтому ждал как в старину, на своем месте, когда гость идет к Хозяину, а не наоборот. Стоял спокойно, оружие не доставал, но хмурился. По стуку понял, кто идет, и что разговор не о погоде будет.

— Здрав будь, Воевода Святозар, — произнесла Рада с глубоким почтением, чуть склонив голову, как подобает Княгине, пришедшей за советом к старшему и мудрому. Голос ее звучал твердо, но в нем дрожала тонкая струна волнения. Боялась ученица, что не знает ответа на ее вопрос Хозяин, и еще больше, что знает.

— Княгиня Радомира. Пересвет. — Святозар кивнул каждому, не торопясь, размеренно. — И, стало быть, Златослава.

Не успела Рада и слова вставить, как Злата, словно живой луч, прекрасный и светящийся, легко и непринужденно впорхнула вперед. Она двигалась так, будто пол под ней был не камнем, а шелковой дорожкой: платье из тончайших нитей струилось, расходилось и снова смыкалось, играя светом. Подойдя к Святозару, она чинно, как истинная знатная особа, протянула обе руки, не робко, а с подобающим достоинством, зная, что ее свет способен растопить даже самую суровую броню.

Рада хотела ее остановить, сказать, что здесь не место для игривости, что сейчас нужны серьезность и сдержанность, но не успела. Святозар, не сводя с Златы спокойных, внимательных глаз, наклонился и поцеловал ее руки — бережно, уважительно, без тени насмешки.

— Приятно видеть свет там, где камень привык к тени, — произнес он ровно, но в голосе прозвучало искреннее тепло. — Сила мага в свете, а твоя сила в том, что ты его не прячешь. Спасибо, что принесла его сюда.

— Воевода не бросает слов на ветер, оттого и греют они втрое сильнее.

Рада поймала торжественный, чуть лукавый взгляд Златы — «А ты, мол, волновалась», — но в глубине души ей стало легче: если Святозар улыбается хоть краешком губ, значит, не все так безнадежно. Воевода был без кольчуги, лишь в темной, выдубленной до мягкости кожи, безрукавке, туго перехваченной на груди ремнями; на плечах лежали старые, глубокие рубцы, следы ударов, которые когда-то могли бы свалить иного Богатыря, да только не его. Было ему за семьдесят, но ни следа дряхлости не отражалось в его теле. Казалось, будто в этом человеке спрессованы сто лет битв и сто зим одиночества: тяжесть прожитого не гнула его, а делала тверже, закаляла, как сталь в огне и холоде. Широкие плечи и тяжелые, жилистые, изрезанные старыми шрамами руки, будто сами держали на себе тяжесть всего Мечиборова Града. Взгляд Святозара был особенным: он не заглядывал в душу, как любопытный мальчишка; он считывал ее, как полководец считывает поле боя. И оттого рядом с ним хотелось либо молчать, либо говорить только правду: любая ложь в этом взгляде рассыпалась бы, как сухой лист под сапогом.

Рада смотрела, как разливает он гостям напиток. Движения Воеводы были неторопливы, но в них не было ни капли медлительности — только расчет и привычка делать все так, чтобы не пришлось переделывать.

— Испей, Княгиня, — сказал он негромко, чуть склонив голову. — Пусть тепло прогонит холод, что цепляется за плечи после дороги.

Святозар протянул Раде берестяной ковш с медом — теплый, чуть пахнувший дымком и липовым цветом. Этот запах на мгновение вернул ее на семь лет назад, в тот день, когда Пересвет впервые привел ее сюда, испуганную, с гордо выпрямленной спиной, но с глазами, полными боли и страха. Тогда она знала, что богатыри Мечибора издавна держались в стороне от рода Златопечей, а порой и открыто сторонились их, будто огня, что может вспыхнуть без причины, и потому каждое слово, каждый взгляд здесь казались ей судом. Но Святозар не судил: он принял ее по-отечески спокойно, усадил, дал выпить меда и, пока она глотала, не торопясь, будто давая времени улечься, объяснил, что сила не в громких знаках, а в том, чтобы не согнуться, когда земля уходит из-под ног.

Рада тогда не видела, как он, едва заметно, переглянулся с Пересветом и чуть кивнул, словно говоря: «Достойная. Сильная. Не сломалась». Не видела, как в его глазах мелькнуло восхищение стойкостью юного мага и искреннее, глубокое сочувствие к ее утрате и тому испытанию, что выпало на ее долю. И теперь, стоя в том же кабинете, чувствуя в ладонях тепло ковша и вдыхая знакомый запах, Рада вдруг поняла: это тепло было не просто медом — это была рука, которая тогда удержала ее от падения.

Со временем узнала она причину конфликта, исправить содеянного уже не могла, но латала по силам. Золото ее рода поднимало разрушенные стены Града, возводило казармы, оплачивало содержание и травы лекарей для дружины, землю для оставивших службу богатырей, чьи руки уже не держали меч, а глаза не видели зари. Она платила за дальние походы, чтобы незнатные маги, у которых не было ни коня, ни дружины, не шли в путь без защиты, и она же учредила проверку безопасности школ на землях Великого Государства.

Долго верила, что долговая руна на руке — это обязательство перед Мечиборовым Градом, и платила без счета, будто так и положено. Когда поняла ошибку, все равно не отступилась: возвращалась, помогала, чем могла, искренне и верно. Не потому, что должна, а потому, что, как и Святозар, знала цену магической крови: ни одна капля не должна пролиться во вред и ни одна не должна потеряться без следа.

Рада уже собиралась начать по заведенному порядку с общих слов: спросить о делах в Мечиборовом Граде, о дорогах, о погоде, чтобы по старинному обычаю воздать дань уважения, а следом перейти к сути. Но Святозар мягко, но твердо прервал ее, не дав досказать:

— Мы давно знакомы, Княгиня. Не нужно обходить главное кругами, будто боишься наступить на больное. Открой, что на сердце лежит, я подсоблю.

Рада, собравшись с духом, сделала шаг вперед к столу, к Стене Родов, к той правде, которую она боялась услышать, но должна была узнать. Потом рассказала: про сон, про тень в плаще, про руны на лице мага, про то, как руны на школьных стенах мерцали и обрушились, когда она проходила, будто ждали ее. Как спас ее Ратибор, закрыв собой. Она на миг лишь дрогнула голосом, и эта легкая вспышка — благодарность, смущение, трепет — не укрылась от старого Воеводы: в одном этом дрожании прочел он больше, чем в вековой былине, чуть нахмурился, но отложил раздумья на потом и снова сосредоточенно продолжил слушать. Рада говорила про день Открытых ворот, про силуэт, про герб — жар-птицу с пламенем в когтях — на плаще духа незримого.

Святозар слушал. Не перебивал. Не кивал. Лицо его обветренное, в морщинах от ветра, дождя и рубящих ударов, оставалось ровным. Только глаза двигались быстро, цепко, как у человека, что складывает картину из осколков и еще не видит целого, но уже чувствует, что осколки от одного сосуда. Когда Рада закончила, Святозар молчал долго, по-своему, не потому что думал, а потому что давал словам осесть, как дают осесть вино в кувшине: что тяжело уходит вниз, что легко поднимается вверх. Лишь бросил взгляд на Пересвета, стоявшего чуть позади, в тени, за разрешением. Гость едва заметно кивнул, словно подтверждая: да, пора говорить прямо.

Воевода окинул терем задумчивым взглядом. Это был не просто дом, а оплот, святилище и хранилище преданий. Над головой высился свод из сурового серого камня, такого не сыщешь в южных землях, дальше Вологды. Стены, могучие, в три локтя толщиной, хранили на себе отголоски битв: тут висели мечи, тяжелые кистени, грозные секиры, а на некоторых клинках тускло мерцали руны — немые свидетели подвигов Мечибора. Вдоль стен в нишах лежали свитки, упрятанные в кедровые футляры, стянутые льняными шнурками; на аккуратных бирках четко проступали даты — самые старые потемнели до угольной черноты. Из убранства лишь строгий стол, простой стул да массивные лавки из темного дуба.

Но все это было лишь оправой, не главным сокровищем. Истинным сердцем терема, самой душой Мечиборова Града и Государства Великого оставалась Родовая Стена.

Она занимала всю восточную стену от пола до потолка и дальше, потому что потолок не вмещал, и стена уходила вверх, в темноту свода, будто росла из камня, как дерево из скалы. Не роспись. Не фреска. Камень был живой, точнее, в камень была вложена жизнь: каждый род изображался здесь рунным клеймом, выжженным так глубоко, что линии светились собственным светом — тусклым, мерным, как угли в потухшем костре. Вверху едва различимы были основатели. Широкие, мощные руны, по три-четыре на род, и от каждого шло древо связей: не ветви, а лоза, перевитая с лозой соседей, союзников, свойственников, врагов. Не кистью лоза была положена, не резцом выведена — она сама из камня вырастала, живая, как кровь в жилах. Где род креп, лоза была густая, темно-зеленая, почти черная, а где хирел — истончалась, желтела, и последние ее нити уходили в землю, у основания стены, и зарастали травой, выбившейся из трещин в камне.

Стена знала. Стена помнила. Стена росла — не вниз и не вверх, а вглубь, потому что каждое поколение прибавляло новые имена, и камень расширялся, впуская их, как дерево впускает новое кольцо. Там, где род обрывался, последняя руна тускнела, лоза подсыхала, и от нее оставался лишь след, как от руки, что некогда держала, а теперь отпустила. Рядом были другие рода, молодые, разрастающиеся, и под них стена уступала место: камень поддавался, впускал новые руны, лоза тянулась жадно, и травы не было, только темная, густая зелень.

Стена звала к себе, просила остановиться, взглядеться в причудливую вязь линий, разгадать узор судеб, что сплетались и расходились на протяжении столетий. В этих переплетениях жила память обо всех, кто когда-либо носил имя рода. И ни один клинок, ни один свиток, ни самый прочный камень не могли сравниться с этим живым дыханием прошлого — стена словно шептала имена, что время старалось стереть. Сюда и повел гостей Святозар. Он подо-

шел к стене родов — тяжелыми, ровными шагами, и ладонь его легла на камень, привычно, как на рукоять верного меча. Повел рукой влево, мимо густых, ярких лоз, мимо родов, что цвели, вниз, к основанию, где камень темнел, где лоза иссякала, где последние ее нити уходили в трещины и зарастали травой бурой, сухой, мертвой.

— Вот, — сказал он. — Род Златопечей. — Голос его был ни мягким, ни жестким. Голос человека, что говорит правду и не смягчает ее, потому что смягченная правда есть ложь.

Рада подошла. Пересвет молча за ней. Злата замерла у стола, и платье ее вдруг перестало струиться, будто и оно знало, что сейчас не время.

Рода почти не было. Вверху широкие, глубокие руны — основатели, и лоза от них густая, темная, ветвящаяся в десятки имен. Ниже реже. Еще ниже — три ветви. Две оборваны: руны зачернены, лоза сухая, на концах следы огня. Не темного, не проклятого, родового, того самого, что Златопечи носили в крови. Свой огонь их и сжег. И одна ветвь, последняя, тянулась вниз, тонкая, как нить на разрыв, и кончалась одной руной. Прощальной. Перед тем, как лоза уходила в землю, и трава смыкалась над ней.

— Вот ты, — сказал Святозар и коснулся последней руны. — Радомира. Последняя.

Рада смотрела на свою руну — маленькую, тусклую, крайнюю на мертвой лозе.

— Смотри, — Святозар указал на стену, и палец его остановился у ветви рода Златопечей. — Вот.

Рада пригляделась. Среди знакомых рун, среди привычных узоров лозы темнело пятно — не выжженное, не вырезанное, а будто проступившее изнутри камня. Темный силуэт, повторяющий контур руны, но вывернутый наизнанку, словно тень, которую отбросило то, чего не видно.

— Прежде пусто на месте было, — сказала Рада, и голос ее стал тихим, будто она боялась спугнуть ответ. — Мы же смотрели, много раз, каждый раз... Этого не было.

— Не было, — подтвердил Святозар.

— Что это? Руна?

— Не руна, — ответил Воевода прямо и четко, как отвечают воины, не добавляя лишних слов к тому, что и так ясно. — Тень от руны.

— Тень? — Рада нахмурилась, пытаясь понять. — Что это значит — тень от руны?

— Это оборотная сторона магии, мой друг, — сказал Пересвет. — Проклятая магия. Проклятая сила. Каждая руна, что высечена на этой стене, имеет свет. Как свет есть, так и тень при нем держится. Когда кто-то из рода обращается ко тьме, руна не меняется. Она остается. Но за ней проступает отражение. Тень. Словно пятно сажи на ясном стекле.

Рада молча смотрела на темный силуэт, и руки ее, те самые, что утром были обожжены, непроизвольно сжались. Потом она спросила:

— Как давно она появилась?

— Когда вновь родился месяц, тогда и обнаружили ее. — Пересвет чуть помедлил, и взгляд его на мгновение стал далеким, будто он перебирал в памяти тот вечер. — Святозар молвил твердо: доселе ее не видывали.

— Почему именно в моем роду? — Рада обернулась к Воеводе, и в глазах ее было не столько страх, сколько жажда понять. — Прошу тебя Воевода Святозар, поведай, что знаешь.

Святозар кивнул, будто ждал этого вопроса, и заговорил негромко, размеренно, как рассказывают то, что давно обдумано:

— Я знал твоего отца. Велемира Четвертого, потомка рода Златопечей. Сильный маг. Храбрый. Вспыльчивый. — Пауза. — Любил твою мать так, что забыл про все остальное. В том числе и про брата.

— Про брата? — прошептала Рада.

— У твоего отца был брат. Младший. Велегор. — Святозар повернулся к стене и указал на одну из двух оборванных ветвей. — Здесь вот, видишь, руна зачеркнута. Лоза сожжена. Это

значит проклят. Родовым проклятием. Велегор ушел в темную магию. Не слабый был, сильный, может, сильнее Велемира. Но тьма, она не слабых берет, она жадных выбирает. Велегор был жаден до силы. Прародители вашего рода его и прокляли. Своей рукой, своим огнем. — Он коснулся выжженного следа на лозе. — Вот этот ожог. Родовой. Он не убил Велегора.

Хуже. Он сделал его вечным. Проклятым. Живущим в тени, не способным ни умереть, ни вернуться.

Рада стояла неподвижно, впитывая каждое слово, и руки ее сжались в кулаки так, что ногти впились в ладони. Она не плакала. Она разучилась плакать в пятнадцать, когда все случилось, когда Пересвет привел ее сюда, в этот кабинет, и Святозар показал ей Стену в первый раз. Тогда она не понимала. Сейчас поняла.

— Но как могли сжечь? — вдруг перебила Рада, и голос ее стал резким, будто она поймала собеседника на противоречии. — Огня-то не было! В роду давно, задолго до него ни пепла, ни копоти, ни гари!

— Огонь был, — ответил Святозар, и в голосе его не было ни уклончивости, ни жалости. — Только не тот, что лижет бревна. Огонь был в роду. Пламя памяти не оставляет сажи, оно выжигает суть. Потому проклятие и легло так тяжело: род сам обратил свой огонь против себя. За то и вернули тебе силу, чтобы чашу весов удержать.

Рада замолчала, перебирая в уме это новое знание. Потом спросила быстро, словно боялась, что передумает:

— Давно Вам сие ведомо?

— С недавней поры, — ответил Святозар честно, посмотрев в сторону Гостя. — Пересвет дал книгу. Там я нашел запись. Одну-единственную, затертую почти до невидимости, зажатую между перечнем жертвенных дней и счетными ходами. Но он ее ухватил, как рыбак вытягивает из мутной воды серебряную чешуйку. Там говорилось о пламени, что обернулось проклятием.

Рада шагнула к стене, и пальцы ее невольно потянулись к темному силуэту тени, но замерли в воздухе, не коснувшись.

— Он хочет, чтобы я умерла, — сказала Рада. Не вопрос, утверждение.

— Он жаждет, чтобы род угас, — ответил Пересвет. — В тебе последняя капля древней крови. Падешь, и чары рухнут.

Столько мыслей кружилось в ее голове, столько вопросов теснилось, не находя выхода.

— Почему эта тень появилась только сейчас? — спросила Рада, не отрывая взгляда от стены. — Многие годы ее не было. Что изменилось?

Пересвет помедлил, то ли сомневался в ответе, то ли ответ ему самому не нравился:

— Ибо ныне проклятый обрел новую силу. Тень — это ее отражение. Пока Велегор был слаб, тень спала, не проступала на камне. Как рана, затянутая тонкой кожей, а под ней гной. Но теперь он обрел новую силу. Даже камень стены дрогнул от той мощи. Руна осталась прежней, а тень за ней проснулась.

— Я хочу увидеть эту запись, — сказала Рада твердо. — Хочу пойти в библиотеку, посмотреть ту книгу.

Святозар молча показал направление рукой, приглашая Княгиню в его владения. Рада на ходу обернулась к подруге: «Идешь?».

Злата стояла у приоткрытой балконной двери, в лицо ей дул осенний ветер, шевеля пряди, что выбились из-под ленты. Она обернулась медленно, с выражением такого нескрываемого, такого глубокого личного ужаса, будто ей предложили идти не в библиотеку, а на казнь:

— Что... опять в библиотеку?

Отряд замер. Пересвет прикрыл глаза и тихо проговорил:

— Родная, знание не оковы.

— Нет, Пересвет. Знание — это пыль, клещи и пауки. А я в красивом платье. — Она провела рукой по струящемуся полотну, и нити, повинувшись, скользнули, обнажив плечо, и снова сомкнулись. — Не бывать пауку и шелку в дружбе, одно погибель другому.

Пересвет открыл глаза. Он чувствовал, как в груди у Святозара ворочается сомнение о магической сущности Гостьи — тяжелое, угловатое, будто кусок необтесанного камня. Но также видел: не сегодня правда распахнет перед Воеводой свои двери. Придут миг и час того откровения, высеченные на невидимой руне времени, и тогда Богатырь сделает свой выбор. Но до той поры много бурь промчится над землями Государства.

Также легкость и веселость речи магини не могли обмануть Пересвета, читал он все хитросплетения и игру, затеянную Златой. Не мог не восхититься замыслом, родившимся на школьном дворе, и ждал финала, скрытого от него звездной завесой времени, обнажившей лишь отсвет ног, ступающих по камням Стожар Круга. До той поры судьба держала его с девушками. Поэтому спокойно посмотрел на Раду и сказал голосом, что не меняется от века к веку, ровным, как течение глубокой реки:

— Друг мой светлый, пойдем. Свитки не дождутся.

Святозар по-отечески улыбнулся и произнес гостеприимно и уважительно:

— Останься здесь, маг Златослава. Пусть мой кабинет станет твоим убежищем, пока друзья разбираются с тенями. Скоро буду, даю слово.

Злата сделала легкий благодарственный поклон и, едва шаги гостей растворились в полумраке коридора, шагнула на балкон.

В тот же миг солнце ударило по ткани ее платья, и оно вспыхнуло сотней огненных нитей, словно соткано было не из шелка, а из закатных лучей. Свет озарил двор, на мгновение выбелив тени, сгладив шероховатости камня и превратив обычную брусчатку в золотую мозаику.

На миг жизнь остановилась. Богатыри замерли с поднятыми мечами, дядьки и старшие по строю застыли посреди отданного приказа, даже ветер, казалось, притих, не решаясь шевельнуть край ее накидки. Время повисло, как натянутая струна, звеня от напряжения.

А потом двор взорвался новыми звуками: резким ревом мечей, глухим ударом дерева о дерево, тяжелым топотом сапог по камню, отрывистыми командами ратных. Каждый хотел произвести впечатление на невиданной красоты гостью: кто-то нарочно делал выпад резче, кто-то крутил клинок так, что сталь пела, кто-то бил в щит, и звук этот летел через весь двор, звонкий и гордый.

Злата стояла, чуть склонив голову, и купалась в этом шуме — в лязге стали, в хрусте дерева, в тяжелом дыхании тренирующихся, в криках, что были громче любых аплодисментов и пышных речей. Она не улыбалась, но в ее глазах мелькало удовольствие, будто этот грохот был ей ответом, признанием, целой речью, сказанной на языке силы.

Земля богатырей начиналась с камня. Не с ворот, не со стен, а с камня. Огромный валун, поросший серым мхом, стоял на распутье, там, где дорога из леса выходила на открытый берег. Камень был старше дороги, старше леса, может быть старше самой реки, что текла рядом, лениво шевеля тяжелой водой. Говорят, сам Богатырь Мечибор воздвиг его здесь. Поверхность камня была испещрена надписями, грубо высеченными, врезанными в гранит твердой рукой, а, может, и не рукой вовсе, может сам родил эти строки из своей глубины.

Надписей было несколько, и каждая указывала путь: *«Идущему с миром — прямо, к воротам. Идущему с вестью — налево, к колокольне. Идущему с мечом — назад. Мечиборов Град меча не ждет, но встретит его мечом же».*

Пониже, другой рукой, в другое время, может, в столетие, может, в два: *«Кто ищет силу — найдет ее здесь. Кто ищет покой — обретет его здесь. Кто ищет чужое — потеряет свое».*

Еще ниже, едва различимое, стертое дождями и ветрами до темных царапин: *«Камень помнит. Стена помнит. Река помнит. Забудешь ты — не забудет никто».*

Путник, остановившийся у камня, мог выбирать. Но камень выбирал за него, это всякий знал, кто хоть раз проходил мимо. Одних он пропускал, других разворачивал. Не силой, тяжелым молчанием, от которого хотелось бежать или, наоборот, стоять и слушать, пока не услышишь ответ.

За камнем дорога разветвлялась, но все тропы вели к одному — к скале, что вставала из воды, как кулак из земли. Серая, морщинистая, изъеденная ветрами, она нависала над рекой, и в ее теле, будто вросшая в камень, стояла Твердь Богатырская — главный терем воеводы, с Родовой Стеной, сердцем Мечиборова Града.

Терем был вырублен прямо в скале, не построен, а вырезан, словно кто-то взял гигантский резец и выскоблил из камня комнаты, переходы, лестницы. Снаружи видны были лишь фасад из тесаных плит, резные наличники да балкон. С этого балкона открывался весь Град: от дальних караулов до причальных мостков, от тренировочных полей до башен на холмах. Воевода вставал здесь по утрам и смотрел на свою землю, не как хозяин, а как страж, которому доверено. Под теремом, в толще скалы, были пещерные склады: сухие, прохладные, с тяжелыми дверями, окованными железом. Там хранили зерно, сушеное мясо, вяленую рыбу, запасные тетивы и наконечники. Запасов хватало на полгода осады, и это было не тщеславие, а привычка: Град помнил времена, когда осада длилась дольше.

К западу от терема, по высокому обрывистому берегу реки, тянулся Сторожевой Яр — первая линия Града, его глаза. Крутые склоны, поросшие кустарником, падали к воде отвесно, и спуститься по ним можно было лишь в нескольких местах, известных караульным да местным козам. На гребне яра, через равные промежутки, стояли дозорные вышки: легкие, из жердей и шкур, не крепости, а точки, с которых видно на много верст вперед. Отсюда просматривались дальние подступы: луга, перелески, изгиб реки, дорога, что вела к камню на рубеже. Склоны Яра сами по себе служили стеной: конница не спустится, пехота не поднимется незаметно, а тот, кто рискнет, окажется на открытом месте под стрелами с гребня. Потому Сторожевой Яр не укрепляли частоколом, природа постаралась сама. Лишь в трех местах, где склон был положе, стояли рогатки и завалы из бревен.

Там, где река делала крутой поворот, охватывая скалу с двух сторон, стояла Крепь на Водах — крепость, опирающаяся на воду, как на два щита. С востока и юга реку не перейти: быстрое течение, глубокий фарватер, илистое дно, что засасывает коня по брюхо. С запада и севера — земляной вал с частоколом и двумя воротами, тяжелыми, окованными медью.

У причала покачивались ладьи — длинные, узкие, с поднятыми штевнями, готовые к походу. На носу каждой была драконья или конская голова, вырезанная из дуба и окрашенная в родовой цвет. Ладьи были опорой Крепи: здесь держали речной дозор, прикрывали переправы и, если враг давил с суши, уходили по воде, не отступали, а меняли поле боя. Внутри Крепи располагались казармы для речной дружины, сараи для весел и парусов, кузня на берегу, где ковали якоря и чинили броню. На втором этаже, над воротами, ютилась дозорная площадка, крытая дранкой, откуда виден был весь речной рукав, далеко вниз по течению.

Севернее, где сходились три дороги — с леса, с лугов и с дальних поселений — вставал Дозорный Клин. Не крепость, а острие: узкий, вытянутый форпост, чья задача не держать оборону, а бить навстречу. Здесь держали самых быстрых и самых грозных воинов, тех, кто не любит ждать.

Клин был построен треугольником: острой вершиной к дорогам, основанием к Граду. С трех сторон ров, с четвертой стена в два человеческих роста. Внутри конюшни, амбары с оружием и длинная гридница, где воинам раздавали приказы не за столом, а на ходу, стоя, и уходили они через минуту, не допив сбитня.

Выше по реке, на отдельной скале, что поднималась из воды, как обломок зуба, стоял Острог на Камне — деревянная крепость, маленькая, тесная, но почти неприступная. Узкая тропа вилась по склону, цепляясь за камень, и вела к единственным воротам, прорубленным в

стене из бревен толщиной в локоть. С башни, что возвышалась над воротами, видно было на много верст: река, лес, луга, дымы дальних сел. В центре Острога был небольшой терем для командира рубежа, длинная гридница для дружины и оружейные амбары, запертые на тяжелые замки. Здесь же селился Князь по приезду.

К востоку от терема, на пологом холме среди старого леса, раскинулась Слобода у Трех Дубов — просторный лагерь, где не было высоких стен, но было то, чего не купишь ни за какое золото: знание леса. В центре слободы росли три огромных дуба, такие старые, что их кроны сплелись над площадью, образуя живой шатер. Под ними стоял длинный стол для советов, а вокруг — крепкие срубы, жилье для лесной дружины. Воевода, когда приезжал сюда, жил в самом большом доме, у родника, вода в котором была холодна даже в августе.

В глубине бора, где дорога превращалась в тропу, а тропа в узкий коридор между стволами, притаилась Лесная застава. Невысокие срубы стояли полукругом, открытой стороной к поляне, где в центре горело кострище. Над огнем был навес из бересты и жердей, под ним скамьи для советов. Здесь не держали больших запасов: ставка делалась на знание троп, на скорость, на умение раствориться в лесу так, будто отряда и не было. Лесная застава была тенью Града, невидимой, но ощутимой, как присутствие волка в чаще.

На самом краю, где лес редел и уступал место степным травам, стоял Порубежный двор — усадьба, обращенная не вглубь земли, а наружу, к угрозе. Каменные стены по периметру были редкостью для здешних мест, где дерево дешевле и быстрее. Включала усадьба конюшни на сорок голов, кузню с двумя горнами, просторный двор для построения дружины. Порубежный двор первым встречал набег и последним отступал. Здесь держали лучших копейщиков и самых выносливых коней, что могут скакать весь день и ночь, и еще полдня после.

Посреди реки, чуть ниже Крепи на Водах, лежал остров — длинный, узкий, поросший ивами и камышом. На нем стоял Островной стан — лагерь-убежище, куда вели два моста, один с левого берега, другой с правого. Оба моста были подъемные, на цепях, и в мгновение перекрывались. Крепь была естественным укрытием: даже если враг прорвется на берег, на остров ему не попасть. А с острова удобна контратака: по двум мостам, с двух сторон, зажимая врага в клещи.

Севернее всех, в ущелье, где скалы сходились почти в плотину, притаился Горный приют — малая крепость, рассчитанная на долгую оборону. Стены из местного камня, тяжелые ворота, окованные железом, а над ними навес-бойница, откуда лили смолу и сбрасывали камни. Приют был местом последнего рубежа: если все остальное падет, сюда отойдут те, кто еще мог держать оружие. Узкий проход делал любую атаку рискованной для врага: нужно было пройти по одному, под стрелами, под камнями, под смолой. Многие пробовали. Никто не прошел.

Между теремом и Сторожевым Яром лежало Ровное поле — широкий, вытопанный участок, укрытый травой и умятый сапогами. Здесь, каждый день от зари до полудня, шла ратная школа, где учились не по книгам, а по ударам.

Поле было разделено на участки: на одном рубились на мечах, вначале деревянных, потом, кто готов, стальных, тупых. На другом бились на копьях, ставя друг другу палки с привязанными на концах мешками песка. На третьем боролись, и тут не было ни оружия, ни правил, кроме одного: встань после падения. В дальнем конце поля стояли соломенные чучела, с набитыми песком головами, обтянутыми кожей. В них метали ножи, секли мечами, пробовали копьями. Рядом были мишени для стрельбы: плетеные из лозы круги, обтянутые кожей, с размеченными кольцами. В центре поля — круг, очерченный камнями. Здесь сходились двое в поединке, когда нужно было решить спор не словом, а делом. Круг был священным: кто вышел за камни — проиграл, и спор решен.

Хоть участки Мечиборова Града и лежали порознь — поле, скалы, лесные тропы, речные излучины, — все они служили единой цели: закалить дружину так, чтобы ни ветер, ни вода, ни тьма не смогли ее сломить. Все оттачивали свой навык, но все вместе они складывались в

единый щит Града, будь то точный выстрел со Сторожевого Яра, маневр речной дружины или бесследный шаг лесного дозорного.

Отдельное место, как в Граде, так и в сердцах дружины занимала Колокольня. Не высокая, в три человеческих роста, но мощная, как все в Мечиборском Граде. Сложена из серого камня, того же, что и скала, и казалась не построенной, а выросшей из нее.

В Колокольне было три колокола, и каждый говорил своим голосом.

Низкий — густой, тягучий, будто земля гудит под ногами. Его били в тревогу, на общий сбор. Когда он звучал, все в Граде замирало: мечи опускались, кони переставали храпеть, даже ветер, казалось, пригибал голову. Этот звук говорил: враг идет, или беда близко, или Воевода зовет всех немедленно, без задержки. Услышав его, каждый бросал свое дело и шел на двор, с оружием или без, но шел.

Средний — ровный, ясный, будто река журчит по чистым камням. Его били, когда отряд возвращался домой, с добычей или без, с победой или с тем, что осталось от победы. Этот звук значил: свои идут, открывайте ворота, готовьте еду и перевязки. Услышав его, женщины выходили к причалу, а кузнец разжигал горн, чтобы чинить доспехи и точить мечи, потому что тупой клинок в бою — худший враг.

Высокий — редкий, тонкий, пронзительный, как первый луч солнца, что пробивает тучу. Его били в одном случае: когда Богатырь погибал или уходил сам, снимая с себя воинский долг. Тогда звонарь поднимался на Колокольню и бил три раза — ровно три, не больше, не меньше, с паузой между ударами, длинной, как вдох перед криком. Три удара — и тишина после, тяжелая, как камень. Звук разносился далеко по реке и холмам, его слышали и в крепости, и в ближних селах, и в лесу, и на полях. Три удара, разрывавшие сердце Воеводы. Останавливались плуги, замолкали дети, кони поднимали головы и настороженно поводили ушами. Каждый, кто слышал, знал: ушел кто-то. Может, знакомый, может, нет, но ушел, и три удара были его последним именем, произнесенным медью над водой и камнем.

Три удара высокого колокола замирали над рекой, над скалами, над дворами, и в эту минуту, будто выныривая из самого воздуха, прилетала птица. Чаще всего это был ворон — черный, тяжелый, с мудрым, почти человеческим взглядом. Реже — сокол, еще реже — просто тень, что на миг садилась на край звонницы и тут же срывалась в полет. Но всегда вместе с ней приходила весть не словами, а вещью: перчатка, обрывок пояса, сломанный наконечник стрелы, пряжка от сбруи — все то, что оставалось от павшего Богатыря, то, что хранило его след. Знак, что он ушел, но не стерт из памяти.

Эту вещь крепили у руны на Стене Вечной Доли. Рядом в паз ложился черный, обкатанный рекой камень, плотно, будто ждал своего часа. Камень и вещь. Имя, ставшее памятью. Для Святозара и всех Воевод до него Стена была не славой, а болью. Каждый новый камень ложился на сердце. Воевода знал: забыть хоть одно имя, значит предать тот путь, что Богатырь прошел до конца. И в этом была суть Мечиборского Града: он не славил смерть, он хранил жизнь, прожитую до конца, до последнего шага, до последнего удара меча.

Святозар вернулся, когда минуло с полчаса, и застал Злату на балконе, где она сидела на перилах, свесив ноги, и смотрела на двор с таким видом, будто наблюдала за птицами, а не за богатырями, которые только что обнаружили в себе невиданные резервы рвения.

— Любопытно, — сказал он, остановившись в дверях и скрестив руки на груди. — Давно я команду дружиной. Видел их на смотрах у Князя, где наградами были золото и земли. Видел перед боем, когда от страха зубы стучали. Но чтоб они так рьяно тренировались... — он покачал головой и чуть усмехнулся, — не припомню.

Злата обернулась, и на лице ее расцвела улыбка, невинная, легкая, как первый одуванчик.

— Во всем нужно вдохновение, Воевода. Даже богатырям. А красота, она, знаете, как утренний свет: сам по себе ничего не весит, а поднимает людей с постели раньше рожка.

Святозар хмыкнул. В этой девочке было что-то, заставляющее его быть настороже: не страх, нет, скорее ощущение, когда стоишь на берегу реки, вроде мелкой, но чувствуешь, что течение сильное, и дна не достать. Он смотрел, как она щебечет, перебирая край накидки и улыбаясь, и не мог отделаться от мысли, что за этой легкостью стоит нечто большее, невидимое. Сила? Опасность? Святозар не знал, и потому говорил с ней отечески тепло, но с осторожностью, как с чужим ребенком, который вдруг оказался у тебя в доме: мил, приветлив, но откуда пришел неведомо.

— Что ж, вдохновение дело доброе, — сказал он, чуть улыбнувшись. — Пусть тренируются. Лишь бы к вечеру не выдохлись. Пойдем, по дому проведем, коль желаешь.

Злата спрыгнула с перил — легко, будто и не сидела на высоте — и вспорхнула в комнату, оглядываясь с живым любопытством, будто ребенок, которого пустили в кладовую со сладостями.

— Ой, а это что? — она подлетела к стене, где висела большая, потемневшая от времени картина, не икона, не портрет, а выписанный от руки чертеж земель: реки, леса, дороги, поселения, отмеченные мелкими значками. — Это карта?

— Карта, — подтвердил Святозар, и в голосе его проскользнуло довольство — не каждый день кто-то искренне интересовался его жизненным трудом. — Земли наши и соседей, до которых можно дойти за неделю верхом.

— А вот эти речки на севере? — Злата склонила голову, и палец ее остановился у тонкой синей линии, что вилась среди холмов и лесов, впадая в крупное озеро. — Почему их так много? Они все судоходные?

Святозар подошел ближе, и глаза его загорелись тем особенным блеском, что бывает у людей, когда говорят о том, что любят и знают досконально.

— Северные речные пути, — сказал Воевода и провел пальцем по карте, — единственные безопасные дороги сейчас. По суше не пройдешь: леса густые, дороги разбитые, а по некоторым и вовсе засеки да топи. А речки эти, как жилы в теле: мелкие, но связывают все. По ним можно спуститься к озеру, а оттуда на земли к Белозерскому. Он эти пути и держит. Все. От истока до устья. Никто по ним не пройдет без его ведома — ни торговый караван, ни военный отряд. Белозерский князь — человек осторожный, но справедливый: за плату пропускает, за плату охраняет, а кто пытается пройти без спроса, того потом находят вниз по течению. Живым или мертвым зависит от настроения.

— Как интересно, — сказала она просто. — А озеро большое?

— Дней пять пути по берегу, если на коне, — ответил Святозар и повернулся к столу.

Злата кивала, слушая с видом легкого любопытства, будто просто интересовалась географией, будто ей все равно, кто контролирует реки и зачем. Но глаза ее — быстрые, внимательные — скользили по карте, запоминая каждый изгиб, каждый приток, каждый значок у переправы. Потом она неожиданно крутанулась на месте и вспорхнула в противоположный угол кабинета, где на отдельном столике, крытом темным сукном, стояла старинная тавлея¹ — доска из мореного дуба, с вырезанными клетками и расставленными таврелями: костяными, пожелтевшими от времени, с темными прожилками, будто дерево выросло внутри кости.

Злата ахнула искренне, не наигранно, и подскочила к столику, как ребенок к елке.

¹ Тавлея — это доска для настольной игры в таврели. Таврели — старинная ратная игра, что была в ходу у князей и воевод задолго до того, как появились чужеземные шахматы. Таврели почитали не забавой, а малой войной: здесь учились видеть поле, предсказывать удар и понимать, когда выгоднее отступить, чем наступать. Основные фигуры: Волхв соответствует королю, Князь — ферзю, Ратоборец — ладье, Лучник — слону, Всадник — коню, Ратник — пешке, Хелги — самая сильная фигура в таврелях, объединяет возможности князя и всадника, может без помощи других фигур поставить мат Волхву противника. Фигуры не «едят», а «берут в плен», образуя башни — фигуры ставятся одна на другую. Башня ходит по правилам верхней таврели. На волхва нельзя ставить другие фигуры, образуя башни.

— Какая красота! Какая доска... — Злата склонилась над тавлеей, едва касаясь пальцем резных клеток, словно боялась спугнуть узор. — И фигуры... Это что, кость?

— Из кости, — тихо подтвердил Святозар, опускаясь на лавку.

— Неужели настоящие? Говорят, Всадник — это печать воеводы. Та, которой скрепляют приказы...

— Доска настоящая, а вот фигуры не те, что были. Печать исчезла в Полночь Пылающих рун, как сквозь землю провалилась. Понине сыскать не можем.

Злата подняла глаза, в них мелькнуло искреннее сожаление, тут же смягченное любопытством:

— Мне жаль...

Святозар кивнул, провел ладонью по краю доски, будто стирая невидимую пыль.

— Да. Оригинал не за знак власти почитался, в нем мощь живая дремала. Умелец, что копию вырезал, искусен был, но... без искры. Вдохнуть силу лишь Маг Мира мог, Ярополк. Да ушел он, как известно, и с ним ушла часть той силы, что держала Град. Теперь эта фигурка лишь тень былого. Но все равно дорога мне.

— Значит, она помнит, — прошептала Злата, не отводя взгляда. — Даже если сила ушла, память осталась.

Святозар чуть улыбнулся, грустно, по-отечески:

— Помнит. Как и все здесь.

Злата тронула Всадника пальцем, осторожно, будто таврель могла ожить.

— Вы играете?

— Раньше играл часто, — он чуть улыбнулся. — Сейчас реже. Противников мало: Князь не заходит, Пересвет не проигрывает, Княгиня книги играм предпочитает... Но тавлею берегу. Она мне... — он помедлил, — как друг верный.

— Сыграете со мной? — Злата подняла глаза, и в них была та самая невинная просьба, которой невозможно отказать.

Святозар рассмеялся негромко, как смеются взрослые, когда ребенок просит поиграть во что-то серьезное.

— Сыграем. Пусть хоть в игре этот Всадник снова почувствует, каково одним ходом решать исход битвы.

Соперники по игре сели. Святозар расставил фигуры и сделал первый ход — уверенный, прямой, как удар меча. Злата ответила, но ответ был слаб, неловок, будто впервые она держала фигуру. Всадник шагнул не туда, Ратник встал на плохое место, Лучник застрял в углу.

Святозар играл спокойно, по-воеводски: Ратоборцев выстроил в линию, Лучников вывел на фланги, держал диагонали, берег Хелги до поры. Поддавался ли он? Может быть, чуть, не из жалости, а из вежливости. Ходил просто, без хитрости, наслаждаясь партией, как наслаждаются прогулкой в теплый день. Злата щебетала между ходами о погоде, о том, какие облака сегодня красивые, о том, что в их лесу тоже есть речка, только маленькая, и в ней водятся раки с красными клешнями. Святозар отвечал добродушно, не слишком вслушиваясь, и продолжал играть, но не спешил. Брал ее Ратников в плен, ставил сверху своих — башни росли, его Лучник на захваченной фигуре уже бил по двум диагоналям разом. Поле было его. Он подвел Князя к центру, прижал ее Всадника к краю и сделал ход, что открывал прямой путь к ее Волхву. Победа в трех ходах, может, в двух.

Но в таврели, как и в настоящем бою, самое опасное — это когда противник кажется слабым. Святозар чуть расслабился, думая, что девочка лишь потеху ищет, и сделал ход, который открывал ему путь к центру, но оставлял одну диагональ чуть ослабленной.

Тут Злата тихо, почти не глядя, сняла своего Всадника с башни и двинула вперед, перекрыв лучную линию, не для удара, а для обхода. Следом Ратоборец шагнул вперед, замыкая

линию, Лучник ударил по диагонали, в бой вышла Хелги и... Воевода Святозар оказался в ловушке: ни одного хода, все стороны перекрыты.

Тихо. Просто. Почти случайно.

— Мат, — сказала Злата, словно сейчас на это глаза открыла, и хлопнула в ладоши. — Ой, мат!

Святозар замер. Посмотрел на доску. Посмотрел на Злату. На доску. И медленно откинулся на лавке.

— Хм, — промолвил он и призадумался, не спеша подбирая слова. И вновь: — Хм.

Злата хлопнула в ладоши и засмеялась звонко, по-детски, будто не понимала, что сделала.

— Аль я победила? Не сон ли это?

Святозар посмотрел на нее долго, внимательно, и в этом взгляде мелькнула тень той самой настороженности, что не давала ему покоя с самого ее приезда. Девочка, которая играет слабо и выигрывает. Девочка, которая спрашивает о реках и запоминает. Девочка, от которой веет чем-то, чему он не может подобрать имени.

— Правда, — сказал он, наконец, и улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз.

— Тогда... — Злата потянулась к костяной таврели, той самой, что изменила ход битвы, и взяла ее в ладонь, бережно, как берут птенца. — Можно мне ее? На счастье... Если все равно без силы.

Святозар посмотрел на фигурку, крошечный щит с родовым знаком, ключ от печати.

— Бери, — сказал он. — Кто держит Всадника, тому и путь открыт. Так Великий Воевода говаривал. Может, тебе пригодится.

Злата спрятала фигурку в ладони и прижала к груди, будто не коня, а талисман. Или не будто.

— Спасибо, Воевода Святозар.

В этот момент снаружи — далеко, за стенами, за рекой — прокатился низкий, густой звук. Рог. Не дозорный, не ратный, гонцовый. Три коротких гудка, друг за другом, с паузой между каждым, говоривший не торопился, но и не мешкал. Звук этот означал одно: гонец от Князя, с поручением. И будто эхо тревожное, неотлагательное подхватил звук колокол на колокольне, низким гулом раскатив его по Граду.

Святозар переменился мгновенно. Легкость, улыбка, отеческое тепло — все упало, как маска, и под ней оказался человек, для которого слово «долг» тяжелее любого меча. Лицо затвердело, спина выпрямилась — он не встал, а словно вырос из-за стола, будто скала прибавила в росте.

— Прощения прошу, — сказал он коротко, уже не ей, а привычке. — Гонец дожидается.

И вышел. Шаги его гулко прозвучали по каменному коридору — тяжелые, ровные, без спешки, но и без промедления. Человек шел выполнять приказ, не задавая вопросов.

Злата осталась в кабинете одна. Подошла к балкону и выглянула во двор.

Мир замер.

Тренировки, которые минуту назад гремели звоном стали и ревом голосов, стихли. Богатыри стояли неподвижно, опустив мечи, повернув головы к воротам, где уже виднелась фигура всадника — усталого, в пыли, с княжеским значком на груди. Кузница замолчала, молот застыл в воздухе. Даже кони перестали храпеть и переступать, будто чувствовали: что-то изменилось. Собаки прижали уши. Ветер, и тот, казалось, стих.

Тишина стояла такая, что Злата слышала каждый шаг Воеводы, даже тихий хруст его сапог по каменистой тропе, пока он приблизился к воротам для встречи гонца. В этой тишине на балкон вышли еще двое: Пересвет, спокойный, как всегда, со своей тихой полуулыбкой, и Рада, с накинутым на голову капюшоном, который прятал глаза, но не скрывал напряжения плеч, и сжатых пальцев на перилах.

— Что происходит? — спросила Рада, и голос ее был тих и ровен, но за этой ровностью угадывалась натянутая струна.

Злата обернулась к ним. Легкость не сошла с ее лица, но в самой глубине глаз мелькнуло понимание. Будто она ждала этого. Будто знала.

— Война, — сказала она просто, и голос ее прозвучал легко, как всегда, но одно это слово упало на балкон, как камень в тихую воду, и круги от него пошли далеко, за стены Града, за реку, за лес, туда, где уже поднималась пыль от копыт, и кто-то собирался в путь, не зная еще, вернется ли.

Глава 2. Перстень

Надолго Гости не задержались. Вслед за гонцом от Князя прилетел сокол Михея. Птица билась в окно, барабанила когтями по ставне, будто и впрямь понимала, что весть не терпит. Воевода отвязал трубочку от лапки, развернул, и лицо его стало таким, какого Рада прежде не видала: ни спокойствия, ни привычной усмешки. Одни скулы.

«Убит Звездочет. Прохор. Суд.»

Оба факта висели в воздухе, как два конца одного аркана, и ни один не перетягивал другого. Рада стояла у окна молча. Будь она в Школе, могла бы встать перед Князем, сказать слово, которое услышат. Но она ушла. Ушла, потому что решила, что здесь нужнее, что Град не ждет, что рана на стене не зарастет сама. Рана зарастала, а Прохор в беде.

— В моих силах было их сдержать, — сказала Рада тихо, и в этих словах было больше вины, чем в целом приговоре. — Я могла...

Злата даже не обернулась, бросила через плечо, одним коротким взмахом:

— Не могла.

И все. Никаких «если бы», никаких «но». Сказала — как отрезала, как закрыла дверь перед сквозняком. Рада хотела возразить, но Пересвет уже открывал портал, взгляд его был ясным и сухим: хватит, время ушло, надо догонять.

Возвращались тем же путем, что и пришли, через руну. Вдвоем. Пересвет остался с Воеводой.

Ночь встретила их не тишиной, а напряжением. Таким, что воздух загустел и звенел, как тетива перед выстрелом. У стены, где руны когда-то упали на Раду, ждали богатыри. Весь оставшийся отряд, и среди них Страж. Ряды были сомкнуты. Не для встречи, для защиты. Для опасения: каждый стоял так, чтобы в случае чего прикрыть своего и Раду. Она это почувствовала сразу: не враждебность, нет, тревогу. Тревогу людей, которые уже знали, что беда приключилась, но не знали еще, чем это кончится.

Ратибор стоял впереди остальных. Не выступал, не напирал, просто стоял. Тяжелый, недвижимый, как скала. На нем была кольчуга, значит, ждал не добрых вестей. Меч на поясе, рука на рукояти — не вытащен, но и не отпущена. Глаза темные, глубокие, без блеска не отворачивались и не приближались. В этом взгляде мало что читалось, но многое таилось. Там, за этой неподвижностью, было все: и вопрос, который он не задал, и упрек, который не произнес, и что-то еще — темное, тяжелое, что не имело слова, но имело вес. Рада чувствовала этот взгляд кожей, как чувствуют чужой прицел: не видят, но знают, что лук смотрит прямо на тебя.

Он смотрел на Раду. Мгновение. Два. Три.

Потом Ратный кивнул, не ей, не остальным, а чему-то своему, что решил в этот миг про себя. И негромко, без приказного, без бравлады, сказал:

— Идем.

Ряды сомкнулись плотнее. Рада оказалась в середине, между Златой и Михеем. Шли быстро. Ночь стояла глухая, без ветра, без луны, облака затянули все небо, будто и небу не хотелось смотреть. Тропа была знакомая: от стены к терему, от терема к директорскому кабинету, где уже горел свет в окне. Горел, значит, ждал. Горел, значит, знал.

Они поднялись по ступеням. Дверь открылась сама, или ее открыли изнутри, Рада не успела заметить. Свет хлынул наружу, на мгновение ослепив, и тут же схлынул, оставив после себя ощущение, будто они переступили невидимую черту, где правила меняются, а прошлое уже не спрятать за словами «я хотела как лучше». Директор сидел за столом прямой, неподвижный, с лицом, на котором не читалось ни гнева, ни сочувствия, только ожидание. Он не встал, не поприветствовал, просто смотрел, как они входят, один за другим, и занимают место, кто на креслах у стола, кто у порога.

Рада заговорила первой. Она рассказывала о маге, о проклятом — коротко, немного сбивчиво, без лишних красок, сама до конца не понимая значения происходящего. При этом она нарочно обошла стороной главное — свой род. Не потому, что не доверяла, а потому, что знала: Директор и сам связан обетом, и лишний раз касаться этой темы, все равно что царапать запечатанную руну.

Константин Львович слушал спокойно, не перебивая, не хмурясь, не подавая виду, что внутри у него все сжимается от услышанного. «Школа в опасности», звучало в словах ученицы. Его молчание было не равнодушием, а терпением опытного дуэлянта, который не бьет, пока не видит всей линии удара. Он выдерживал паузу — тягучую, давящую, словно специально давал словам осесть, чтобы потом поднять их и рассмотреть с другой стороны. В этой паузе Рада сама, против воли, начала добавлять детали, которых вовсе не собиралась выдавать: про тот миг, когда тень скользнула по стене, про сон, шепот, который слышался только ей, про то, как воздух становился гуще перед бедой.

Ратный стоял у окна прямой, жесткий, будто выкованный из одного куска железа. Он не тянул время, не ходил вокруг да около.

— Нужна защита, — сказал он резко, почти отрывисто, вбивая словами гвоздь в доску, чтобы держалась крепко. — Не просто чары на воротах, а настоящая стена. Школа должна быть крепостью, а не гостеприимным домом для тех, кто пришел с тьмой.

Директор медленно кивнул, не сводя глаз с Рады. В его взгляде не было ни осуждения, ни излишней мягкости, только спокойная твердость человека, который привык отвечать не только за себя.

— Я учту, — произнес он ровно, чуть наклонив голову. — Школа под защитой, Радомира. Не волнуйся.

В этих словах, сказанных без пафоса, без клятв и громких обещаний, Рада вдруг почувствовала, как немного отпускает внутри. Эмпат в Директоре работал тонко, почти незаметно. Именно эта бережная сила заставляла поверить, что за ее спиной действительно встанет стена.

Когда все вышли, и шаги в коридоре стихли, Директор медленно снял с пальца перстень с черным ониксом. Камень тут же потух, но без него Директор мог чувствовать Радугу даже через две стены: ее тревогу — острую, как лезвие; решимость — жесткую, упрямую; и тот самый огонь — тихий, яростный, неукротимый.

Он прикрыл глаза и едва слышно прошептал:

— Ты даже не знаешь, как похожа на своего отца.

Но что-то еще, сильнее, могущественнее, пронзило эмпата, поэтому он стремительно надел перстень. Мир сразу стал тише, эмоции окружающих отделились, превратились в приглушенный гул. Только тогда Константин Львович заметил, как за окном мелькнула тень — быстрая, темная, словно разорванный лоскут ночи. Директор замер на миг, вглядываясь в темноту, но тень уже исчезла, будто ее и не было.

Отряд разошелся по двору, а Ратный сопровождал до светлиц учениц. Злата шагала легко, будто шла на прогулку.

— Ты как с праздника едешь, — устало вздохнула Рада.

Злата лишь подмигнула:

— А разве жизнь не праздник? Столько нового узнаешь каждый день... — и, перейдя на шепот, добавила: — Ты знала, что северные пути можно перекрыть одной баррикадой на Волхове?

Злата коснулась рукой лежащей таврели в кармане и, многозначительно кивнув, послала подруге легкий воздушный поцелуй, скрываясь за дверью своей светлицы.

Дверь Радомиры была следующей, и Ратный уже собрался повернуться, чтобы уйти проверять посты, как вдруг Радомиру порывисто, стремительно коснулась ладонью его руки. Жест, такой неожиданный и хрупкий, рассыпался, едва успев родиться, будто его хозяйка сама испу-

галась такой смелости. Но этого короткого касания оказалось достаточно, чтобы заставить Ратибора замереть. Не от удивления, от внезапной близости: жара ее руки, тела, взгляда с тихой, почти беззвучной мыслью. Он поднял глаза. Вопросительно. Рада захотела выговорить все разом, про себя, род, мага, страх и... Слова застряли, и только самые необходимые, почти шепотом, долетели до Богатыря:

— Был гонец у Воеводы... от Князя Смоленского...

Хотела она добавить что-то еще, но Ратный понял сразу. Ни единого лишнего слова, только короткий кивок, в котором уместилось: «Я услышал». Он медленно толкнул дверь за ее спиной и, как только ученица скрылась за ней, ушел, растворяясь в полумраке коридора. Сама Рада долго стояла в темноте светлицы, чувствуя, как медленно остывает кожа там, где только что касалась его руки, и понимая, что этот короткий жест был, может быть, самым честным ее словом Ратному.

Где-то в глубине Школы, там, куда не дотягивался свет факелов, и даже тени казались гуще обычного, мерцал слабый огонек лучины. Пламя вздрагивало, будто само чувствовало, что творится неладное, и отбрасывало на стены неровные, дерганные тени, словно кто-то невидимый метался по углам, торопясь успеть до рассвета.

Рука в тонкой кожаной перчатке скользила по плотной бумаге ровно, уверенно, не оставляя лишних линии. Перо царапало лист с сухим, почти зловещим шорохом. Три строки — всего три. Но в этих скупых словах смысла было больше, чем в сотне пророческих книг.

«Она видела герб. Просыпается быстрее, чем я ждал. Подтолкни».

Когда стих последний след букв, рука отложила перо, свернула свиток, без гербов и родовых знаков, и, укрыв передачу тенью чар, вручила свиток гонцу без единого слова, словно лишние звуки могли спугнуть судьбу. Гонец принял послание, зная, что замешкать нельзя. Бесшумно выскользнув за ворота, он вскочил в седло, резко развернул коня и усакал в сторону лесов, туда, где густые кроны старых дубов сплетались над землей, как непроницаемый свод, скрывающий то, что не должно быть увидено. Тень промелькнула между стволами и исчезла, словно ее и не было.

Жизнь в Школе потекла по своим законам, тихо, настороженно, как река, на дне которой что-то шевелится, но поверхность остается гладкой. Уроки шли чередом: уроки стихий, руны, заговорное слово и голос силы, травознание, древние языки и наречия духов, история магических родов — все по расписанию, все чинно, будто ничего не стряслось. Но за этой чинностью скользил ветер слухов, шепота, полунамеков. Имя Звездочета, еще теплое, еще не успевшее остыть в памяти, звучало в коридорах шепотом: «Астроном», «убийца Богатырь». Слова перелетали из уст в уста, как искры из костра, и каждая новая искра разгоралась ярче предыдущей.

Отношение к дружине изменилось, как меняется погода: сперва облако, потом другое, а потом уже и неба не видно. На богатырей стали посматривать исподтишка: кто с любопытством, кто с презрением, кто с плохо скрытым страхом. Некоторые пытались выказать пренебрежение — отвернуться в коридоре, не уступить дорогу, буркнуть сквозь зубы что-то едва слышное, обидное. Но все это делалось тихо, вполголоса, потому что рядом с человеком, который одной рукой гнет подкову, спорить язык не поворачивается. Сила не доказывает правоты, но заставляет думать дважды, прежде чем сказать лишнее.

Веденей шел на поправку. Медленно, упрямо, как выздоравливают те, кому еще нужно защищать и биться. Он уже выходил во двор, сперва ненадолго, просто подышать, потом подольше, присматриваясь к тренировкам товарищей, комментируя с крыльца, а потом и сам потянулся к мечу, сперва неуверенно, потом все тверже. Несмотря на общее охлаждение к дружине, влюбленные взгляды по-прежнему тянулись к нему, лились, как свет к огню — магии всех возрастов и годов обучения заглядывались из-за углов, шептались на переменах, румяни-

лись, когда он проходил мимо. И было в этом что-то одновременно трогательное и нелепое: те, кто боялся его товарищей, не могли оторвать глаз от него. Любава ходила тенью незримо, но всегда рядом: то отвар принесет, то подложит лишнюю овчину на скамью, то просто встанет у окна и смотрит, как он упражняется во дворе, мерила взмахи меча, будто считала дни до его выздоровления. Он замечал, не подавал виду, внутри теряясь и смущаясь, но что-то в его взгляде, когда он поворачивался к ее окну, говорило: знает.

Богатыри перестали вести уроки. Не сговорившись, не по приказу, просто сами поняли, что сейчас не до учений. Они тренировались жестко, долго, до пота, до хрипа, до стога. Оттачивали приемы, учили новичков держать строй, усиливали охрану: проверяли каждый угол, каждый ход, каждый вход и выход. Ночью дозорные менялись каждые два часа, и свет факелов у ворот не гас ни на миг. Школа, еще недавно открытая и шумная, стала напоминать укрепленный лагерь: тихий, настороженный, готовый ко всему.

Директор чувствовал перемены. Не все ему нравились, но ради защиты Школы предпочитал хранить молчание. Вопросы решал по-своему: ввел новый предмет, «Основы родовой магии». Предмет был необходимый, все это знали: после всего случившегося понимание родовых связей и родовых проклятий стало не роскошью, а необходимостью. Но за этой необходимостью таилось иное, глубинное.

Преподавателем назначил молодого мага Луку — тихого, бледного, с бегающими глазами, которые никогда не смотрели прямо, а все скользили: по стенам, по столам, по рукам собеседника. Лука не был злодеем. Он был должником. Константин Львович когда-то оплатил его обучение — полностью, без оговорок, без расписок, — и Лука даже не пытался отказать, когда его попросили об «одной маленькой услуге». Знал, что урок не прост, можно и в опалу к действующему Князю попасть, поэтому корневых преданий на уроках касался вскользь, будто мимоходом, не выделял тему, а ронял между делом:

— Был род сильный, огненный... но темный. Сгинул.

И все. Больше ничего. Ни имени, ни деталей, ни обвинений — только тень, брошенная на чистый лист. И эта тень делала свое дело: ученики слушали, запоминали, перешептывались, а Лука продолжал урок, будто и не говорил ничего особенного. Глаза его при этом бегали чуть быстрее обычного, а пальцы чуть сильнее сжимали мел.

Рада чувствовала перемены. Не снаружи, а внутри. Она стала тревожнее, раздражительнее, хотя старалась не показывать. Днем держалась, а ночами сидела над книгами, перелистывая фолиант за фолиантом, выискивая хоть крупницу, хоть строчку, хоть намек на Велегора — проклятого мага. Но в книгах не было ничего. Словно кто-то прошел по всем скрижалям и свиткам света и выжег каждое упоминание — не чернилами, а огнем, так что даже пепел не остался, только пустые страницы, где должны были быть слова. Она закрывала книги, открывала новые, и вновь ни знака, ни следа. Будто его и не было. Будто огонь стер не только имя, но и саму память о нем. И от этой пустоты, от этого молчания книг, было страшнее, чем от всякого предания о нечистом.

Злата видела, как Рада мучается, но молчала. Не утешала, не отговаривала, просто была рядом, как умеют быть рядом те, кто понимает: иногда присутствие важнее слов. Если Рада смотрела внутрь, то Злата охватывала взглядом все, что таилось, бурлило и кипело за воротами Школы. Тесно ее мыслям было в книжных пределах прошлого, ей хотелось творить будущее и ее холстом была не Школа, а все Государство Великое, такой простор, столько ходов и фигур. Поэтому часто они сидели в тишине, каждая со своей книгой или думой, и только потрескивание свечи да шорох страниц нарушали покой ночи.

Перед праздником Осенин княжеские дети стали разъезжаться по домам. Коляски, телеги, верховые — школьный двор потихоньку пустел, и Школа затихала, готовясь к празднику, который в этом году никто не ждал с радостью. Те, кто уезжал, забирали с собой и часть

прежней беззаботности, и воздух становился гуще, тяжелее, будто сама тишина наполнялась тревожным ожиданием.

В преддверии праздничного дня, когда утро только начало золотить верхушки деревьев и последние ученики еще допивали свой чай, у ворот Школы появилась дружина. Лошади Ростовского князя — тяжелые, темные, в железной сбруе — выстроились в ряд, и за ними стража, и за стражей знамя с гербом, которое читалось за много верст вперед.

Ворота еще были закрыты. Но за ними уже знали, кто приехал и за кем.

— Будь осторожна. Ростовский опасный союзник.

Несмотря на суету двора, на крики конюхов, на лязг упряжи и торопливые шаги, Ратный сам вывел учениц со двора. Он шел прямой и тяжелый, как дубовая балка, и никто не смел ни слова сказать, ни плеча оттеснить.

Рада была в черном парадном одеянии — строгом, без лишней вышивки, лишь по вороту и рукавам шла тонкая золотая вязь, как искра осени на черной земле. В этой тишине убранства была особая красота, не кричащая, а стальная, сдержанная, от которой у тех, кто умел видеть, сжималось сердце. Злата же оживила осень и воплотила ее в роскошном наряде. Платье ее переливалось цветами спелой рябины, с вставками из темно-зеленого бархата, напоминавшими листья, уже тронутые холодом. По подолу тянулась вышивка золотыми нитями: колосья, гроздья, изогнутые ветви, заплетенные в узор ветром. На плечах лежала легкая накидка из тонкой шерсти, окрашенной в охру и медь, а в волосах поблескивали маленькие янтарные бусины, словно капли застывшего солнечного света. Она была восхитительна, но не так, чтобы казаться игрушкой: в ее осанке чувствовалась сила, в каждом движении уверенность. Она знала, если придется, и мечом ударит, и песню споет, и дорогу найдет.

Дружинники князя стояли в ожидании ровными рядами, как отлитые из железа. Впереди, возглавляя отряд, возвышался Богатырь Тороп Крутомах, тот самый, что знал Ратного еще по Мечиборову Граду, но состоял на службе у Добромира. Они обменялись короткими взглядами: без улыбок, без лишних слов, только намеков на уважение, рожденный общими битвами и общими ночами у костра. Злата упорхнула к своему коню с восхищенным сопровождением дружины. Ратный окинул отряд взором — строго, оценивающе, словно проверяя, все ли на месте, все ли крепко, — и вернулся к Раде, стоявшей напротив. Ученица порывалась дать волю словам, желание сказать важное, предложить, открыться лежало на сердце и крутилось на языке. Но слова сдержала, лишь тихо, но твердо поблагодарила за заботу и пошла к лошади. Ратный шагнул следом, подал руку, не просто чтобы помочь, а чтобы на миг удержать, дать почувствовать: ты не одна. Когда ее ладонь легла в его, между ними будто пробежала тонкая искра — короткая, но яркая, как вспышка молнии в темном небе. Он чуть задержал пальцы, удерживая, и только когда она уверенно поставила ногу в стремя, отпустил. Потом легко подсадил ее, проверил подпругу, кивнул Торопу, чтобы держал крепче, и отошел на шаг.

Отряд тронулся. Копыта глухо ударили по камням, потом перешли на ровный шаг, и вскоре пыль поднялась легкой дымкой, скрывая силуэты всадников.

Копыта стихли, но эхо все еще гуляло между стенами, и пыль еще висела в воздухе, будто сама тишина не решалась опуститься на землю. Лютый подошел сзади бесшумно, как умеют лишь те, с кем жизнь давно заговорила на языке теней и следов. Встал рядом, проследил за взглядом Ратибора и негромко, без насмешки, а с той особой прямоотой, что рождается между товарищами, произнес:

— Предложил бы свои услуги.

— Был бы нужен — позвала, — отрезал Ратибор.

Лютый хмыкнул, пожал плечами:

— Спрос не в тягость, коли по делу.

Ратный чуть наклонил голову, принимая эту простую правду. Потом, глядя вслед удаляющемуся отряду, тихо добавил:

— У Торопа крепкий щит, на него можно положиться.

Лютый кивнул:

— Да и твой не хуже. Сам бы и поехал.

Ратибор чуть нахмурился, не от обиды, а от того, что слова эти легли на сердце: вроде и нужно, а носить тяжело.

— Куда?

— С ней. Туда, где сейчас нужнее всего крепкое плечо и верный меч. Чего таить, сам этого хочешь.

Ратибор стиснул зубы, будто удерживал внутри не слова, а целую бурю. Потом выдохнул и ровно, без гнева, сказал:

— Мое желание — не довод. Не им клятвы скрепляют.

— А что же довод? — негромко, без упрека, но с нажимом произнес Лютый.

— Меч да долг — вот довод. Иного мне не надобно.

Лютый снова хмыкнул, но уже не насмешливо, а устало, как человек, который слишком много видел, чтобы спорить с правдой, даже если она колючая.

— Долг тебя в студеную ночь не согреет.

Ратибор отвел взгляд от дороги, в его голосе не было ни вызова, ни обиды — только спокойная твердость, выточенная годами боли и битв:

— Зато не изменит и не предаст.

На этих словах Лютый замолчал. Не потому, что сказать было нечего, а потому, что слов было слишком много. Знал лишь, что прав был Ратный и неправ одновременно. Потому Лютый больше не возвращался к теме. Уговаривать и подталкивать не стал, лишь хлопнул Ратибора по плечу, коротко, по-товарищески, и шагнул прочь, оставляя того наедине с дорогой и с тишиной.

Ох, Осенины, Осенины! Ростов Великий встречал праздник так, будто весь город сговорился устроить такую гульбу, чтобы даже осень, ахнув, сняла шапку от восторга.

Улицы нарядились в рябиновые гроздья — алые кисти висели на воротах, столбах и перилах мостов, словно кто-то в веселом задоре раскидывал по всему Ростову рубиновые бусы, да еще и приговаривал: «Держи, город, сияй!» Пахло печеными яблоками, тягучим медом, дымком от костров, а там, у огня, румянилась кабанья ляжка, и запах этот плыл над улицами, дразнил и манил, смешиваясь с горьковатой осенней ноткой опавших листьев и последнего теплого ветра.

На площади перед княжым двором уже выстроились длинные столы с льняными скатертями, уставленные ковшами, братинами, кувшинами с медом и пузатыми горшками, в которых каша так и просилась на ложку. Детвора вихрем носилась между взрослыми, хватая пряники и орешки, бабы перекликались через улицу голосисто, звонко, будто соревновались, кто веселее крикнет, а мужики уже деловито прилаживали бревно для скачек, подмигивая друг другу: мол, сейчас покажем, кто тут самый ловкий.

Над всем этим стоял такой гул, такая живая, густая радость, что казалось сама осень, глядя на эту удаль, решила на день забыть про дожди и холода, накинуть теплый платок и присесть рядышком, чтобы хоть чуточку побыть теплой и ласковой.

Князь Борис встретил девушек у крыльца. Ростом велик, плечами широк, в соболиной шапке и кафтане темно-золотистого сукна, с поясом, на котором висел меч в простых, но крепких ножнах. Лицо у него было красивое — четкое, с высокими скулами и глубокой складкой у рта, — но глаза выдавали усталость. Не ту, что от одного бессонного дня, а что копится годами: от забот, от потерь, от мыслей, которые не дают покоя ни ночью, ни днем. Поступь у него была

твердой, по-волчьи неслышной — ступал мягко, но так, что чувствовалось: этот человек идет не гулять, а по делу.

Раде он поклонился с уважением, отдавая дань не только ее сану, но и ей самой.

— Рад видеть тебя, княгиня Радомира. Добро пожаловать в Ростов Великий. Путь был долог, отдохни, подкрепись, сегодня этот дом и твоим домом будет.

Рада кивнула, чуть покраснев, но голос не дрогнул:

— Благодарю, князь Борис. Ростов встречает приветливо, и нам это дорого.

Злате он кивнул спокойнее, ровно, без поклона, но и без холодности: просто обозначил, что видел, принял, не забыл.

— И тебе добро пожаловала, маг Златослава.

— Благодарствую, княже, — проговорила Злата спокойно, без жеманства.

Потом князь повел их во двор, показал хозяйство: конюшни, двор, кузню. Говорил просто, без хвастовства, но с той особой гордостью, что бывает у людей, которые любят свое дело и не стесняются этого. На Раду поглядывал чуть чаще, чем следовало, не жадно, а так, как смотрят на вещь, которую когда-то хотели купить, но не хватило денег: и теперь, увидев снова, не могут не заглядеться. Злата, почувствовав это, тактично отстала, сославшись на любопытство.

— Княже, я, пожалуй, пройдусь по торгу, разомну ноги. Дорога была долгой.

Борис чуть прищурился — коротко, оценивающе — и кивнул:

— Ступай, Златослава. Ростовский торг в праздник — вот зрелище, что стоит поглядеть.

Когда Злата ушла, князь чуть замедлил шаг и повернулся к Раде. Теперь они шли вдвоем по широкому двору, и в его голосе проскользнула мягкость не показная, а осторожная, будто он проверял: можно ли?

— Как Школа? Слышал, невзгоды у вас были.

Рада чуть напряглась, но ответила ровно:

— Школа стоит. Учителя сердечные, ученики старательные. Невзгоды бывают везде.

— Это верно, — кивнул Борис. — Невзгоды — дело житейское. Главное, чтобы люди были крепкие.

Он помолчал, и в этом молчании Рада почувствовала что-то теплое, но неуловимое, будто он хотел сказать другое, но сдержался. Потом, легонько, как бы между делом:

— А что с тем, со Звездочетом... Говорят, не своей смертью ушел. Богатырь Прохор, будто бы...

Рада остановилась. Не резко, без вызова, но так, что Борис замолчал на полуслове. Она подняла на него глаза — прямые, ясные, без страха.

— Князь, Богатырь Прохор ни в чем не виновен. Это я говорю с уверенностью. Виновного найдут, и встанет истина на место. Отряд Ратибора служит верой и правдой, ни разу чести не уронил.

Борис чуть отступил, не телом, а взглядом. Оценил. Усмехнулся, но не зло, а с тем особым мужским уважением, что появляется, когда женщина говорит крепко, но без бравады.

— Верю тебе, Радомира. Про Ратибора тоже слышал, воин он достойный.

Пауза. Потом, тише:

— Да и ты, Княгиня, своей стойкостью меня восхищаешь. Это... редкость.

Рада опустила глаза, чуть покраснев, но не отвела лица. В ее голосе проскользнуло смущение — живое, не наигранное:

— Спасибо, князь. Я... не привыкла к речам таким. Но стараюсь.

— И получается, — сказал Борис просто, и в его усталых глазах на миг мелькнуло что-то молодое, теплое, почти забытое. — Получается, Радомира.

Он не сказал больше ни слова, но это «получается» прозвучало не как оценка, а как признание — тихое, личное, которое Рада запомнит надолго.

Злата тем временем порхала по торгу, слушала, смотрела. Ростов и впрямь был богат — это бросалось в глаза сразу. Лавки стояли плотно, одна к другой, товары в них пестрили так, что дух захватывало: меха — соболь, куница, белка, горностай; мясо — бочонки с солониной, связки вяленой рыбы, окорока; утварь — берестяные туески, резные ложки, глиняная посуда с зеленой и синей поливой; зелья — мед ставленный, хмель, перец, имбирь, шафран. Купцы кричали, зазывали, шутили и торговались, а над всем этим висел густой праздничный гул, от которого слегка кружилась голова.

Но Злата смотрела внимательнее, чем казалось со стороны.

Лавки восточных торговцев пустовали. Не закрыты, не забиты — именно пустовали: товар лежал на полках, но самих хозяев не было, а те, что оставались, сидели молча, глядя в пустоту. На лицах — не тоска, не страх, а сдержанная, горькая злость, какая бывает у людей, которым связали руки, но не дали права кричать.

Злата замедлила шаг у прилавка с сушеными персиками, делая вид, что разглядывает товар, а сама прислушалась. Два купца — один бородатый, в темном кафтане, другой постарше, с быстрыми глазами — стояли чуть в стороне и говорили негромко, но в праздник тишина — редкость, и слова долетали отчетливо:

— Ока перекрыта. Третьего дня последний караван вернулся, не прошли. Булгары, мол, разбойничают. Какой разбой на караванной тропе, когда там стража стояла? Убрали стражу, вот и «разбой».

— А Борис?

— Борис сокрушается. «Ох, беда, ох, непутевые соседи». А сам проложил новый путь через свои земли. Доля в пошлинах — его. Соль, железо, ткани, все через Ростов теперь. А куда деваться? Смоленский князь скрипит зубами, но соглашается, выбора нет.

— Хитер.

— Не хитер. Жаден. А жадность хитрее самой хитрости.

Злата чуть сузила глаза, но тут же расслабила лицо — один из купцов обернулся и заметил ее. Она тут же расцвела улыбкой, защebetала:

— Ой, а что это у вас? Бусины? Какие красивые! Это янтарь? Нет, похоже на... о, а вот те, с синим, это стеклярус восточный?

Купцы переглянулись, усмехнулись — девчонка, болтушка, к товару присматривается. Махнули рукой и пошли дальше, не придав ей значения. Злата осталась у прилавка, вертя в пальцах синюю бусину, и улыбка ее стала чуть уже, чуть острее.

К вечеру над Ростовом грянул пир, словно город копил силы все лето, чтобы в единый миг выплеснуть их в звоне чаш и в песнях, что летели над рекой, как стая белых птиц. Княжеский стол стоял на возвышении, застеленный белой льняной скатертью, и на нем, как на поле после жатвы, громоздилось все, чем была богата земля: жареная дичь, пироги с мясом и с рыбой, кулебяки с грибами, моченые яблоки, пареная репа, мед вареный и ставленный, квас, брага. Свечи в глиняных подсвечниках чадили теплым светом, тени плясали по стенам, и гул голосов стоял такой, что отдельные слова терялись, растворялись в общем шуме, и оставалось только ощущение. Праздник. Настоящий, густой, как осенний мед.

Рада сидела за княжеским столом, справа от Бориса. Она держалась прямо, но без скованности — не выпячивала себя, не пряталась, а просто была. Борис наливал ей мед, подкладывал куски ненавязчиво, с тем особым княжеским тактом, что не давит, а обволакивает. Рада принимала, кивала, благодарила, но дистанцию держала, и Борис, хоть и не показывал вида, эту дистанцию чувствовал.

Начались скачки. Лошадей вывели на широкое поле за городом, где трава еще держала остатки зелени, а кое-где желтели первые островки увядания. Всадники — дружинники, конюхи, мальчишки-удальцы — выстроились в ряд, и когда княжеский стяг взлетел вверх, кони рванули так, что земля загудела. Пыль встала столбом, гривы развевались, копыта били по

мерзлой земле, и каждый всадник гнулся к шее коня, будто сливался с ним в одно существо — птицу, зверя, ветер. Зрители кричали, улюлюкали, дамы махали платками, дети неслись вдоль изгороди, стараясь не отстать от скачущих, и весь этот гул, и пыль, и топот, и ржание слились в один оглушительный, хмельной звук праздника, от которого захватывало дух.

Потом затеяли забавы. Решили загадки загадывать. Борис поднялся, обвел зал неторопливым взглядом, и шум стал стихать, как стихает ветер, когда из-за туч выходит солнце.

— Вот что, люди добрые! Кто из девиц загадает мне загадку, которую я не разгадаю, получит любой дар. Что попросит, то и дам. Слово княжеское!

Зал загудел, заволновался. Девыцы зашептались, прикрываясь рукавами.

Первые загадки были простые, привычные — Борис отгадывал их играючи:

— Без рук, без ног, а ворота открывает.

— Ветер, — бросил Борис, и зал рассмеялся.

— Сидит дед, в шубу одет; кто его раздевает, тот слезы проливает.

— Лук, — и снова смех.

— Маленький, кругленький, а за хвост не поднимешь.

— Клубок, — Борис уже откровенно забавлялся.

Девыцы одна за другой отступали, смущенно хихикая, и Борис принимал это с легким превосходством человека, который знает: ум у него острый, а загадки — дело привычное. Да и перед Гостьей желанной умом, словно мечом, блеснуть приятно.

Поднялась Злата, с легким поклоном.

— Княже, позволь загадать?

— Позволю, — Борис чуть прищурился: в этой девице он уловил то, что не чувствовал в других. Будто удачу за хвост держала и знала об этом.

Злата немного помолчала, давая словам набрать вес, и произнесла негромко, но так, что зал затих:

— Стоит древо вековое, корнями в землю вросло, листвою к небу тянется. Три корня у того древа — три жилы живые. Первый корень пьет из реки быстрой, что с гор бежит, холодом звеня. Второй — из реки тихой, что по лугам стелется, травами шепчет. Третий — из реки темной, что под землей течет, тайн не выдавая. Каждый из корней свое питье берет, каждый по-своему растет. Но придет засуха лютая, солнце станет медным, небо сухим, и хоть реки те в разных краях текут, хоть воды в них разные, а корни все трое разом сохнуть начнут, будто одна беда на всех нашла. Скажи княже, что за три корня одного древа, что пьют из разных рек, но сохнут от одной засухи?

Борис нахмурился. Потер подбородок. Зал молчал. Дружинники переглядывались — таких загадок не слышали. Князь думал долго, дольше, чем над предыдущими. Пальцы его постукивали по столу, глаза бегали, и наконец он покачал головой, усмехнулся:

— Не разгадаю.

По залу прокатился гул удивленный, восхищенный. Дружина загудела: князь не отгадал! Девыцы зашептались. Борис рассмеялся открыто, без обиды, с той мужской легкостью, что ценит ум больше, чем самолюбие:

— Хитрая девка! Ну, проси, что хочешь.

Злата будто смутилась, опустила ресницы, чуть покраснела, пожала плечами, словно просила о пустяке.

— Княже, коли не в тягость... перстень с руки, какой пожелаешь. На память, о щедрости Ростова.

Зал замер. Борис чуть задержал взгляд на ее лице — оценивающе, с короткой искрой, что бывает, когда человек понимает: его переиграли, но красиво. Потом рассмеялся, снял перстень тяжелый, серебряный, с личной печатью, и протянул ей.

— Держи. Носи на здоровье. Ум надо хвалить, а не прятать.

Злата приняла, поблагодарила поклоном, и перстень скользнул ей на палец, как будто был отлит для нее. Борис проводил его взглядом, в котором мелькнули ни веселье, ни удивление. Было: «Запомню».

Когда сумерки опустились, зажгли первые костры. Пошли хороводы. Бабы и девицы взялись за руки, пошли кругом, запели негромко, протяжно, будто сами струны какого-то невидимого инструмента. Голоса поднимались к темному небу, где уже проступали первые звезды, и в этом пении была вся осень: и грусть увядания, и благодарность за урожай, и тихая вера в то, что после зимы все вернется — и тепло, и свет, и зелень.

На празднике был и Суздальский князь Дмитрий, брат Бориса, сдержаннее, с лицом, на котором улыбка появлялась редко, но метко. С ним приехала дочь Видана, которая без привычного окружения и Лучезара казалась тонкой, как тростинка, с большими темными глазами и той особой девичьей грацией, что еще не знает своей силы, но уже обладает ею.

Злата подошла к ней, когда хороводы только разгонялись и девицы разбредались по двору, чтобы перевести дух.

— Видана! — голос у Златы был легкий, с хитрецей, но без яда. — Приятно видеть родное лицо в дали от дома.

— Злата? — растерялась девушка.

— Ну что, забудем обиды? Праздник ведь, не до раздоров.

Видана чуть замешкалась, посмотрела на Злату с тем осторожным любопытством, с каким смотрят на человека, о котором слышали разное, но не знают наверняка. Потом улыбнулась — несмело, но искренне:

— Забудем. Праздник.

Злата присела рядом, и разговор пошел легко о нарядах, о песнях, о том, кто лучше скачет. Злата заметила, что Видана снова и снова поглядывает на ее браслет — тонкий, серебряный, с простым узором из листьев. Он и впрямь шел к наряду девушки — серебро на темно-зеленом рукаве — так, будто был сделан нарочно.

— Нравится? — Злата протянула руку, покрутила браслет на запястье. — Возьми. На мне плохо сидит, а тебе в самый раз. К рукаву твоему будто родной.

Видана замахала руками:

— Что ты, не надо, я не могу...

— Могу-могу! — Злата расстегнула браслет и вложила его в ладонь Виданы. — Бери. Но и ты мне дай что-нибудь. Простое. Так положено.

Видана помедлила, потом сняла с шеи тонкую цепочку с маленьким медным соколом — родовой знак Суздальских княжичей — и протянула Злате. Та приняла с улыбкой, спрятала на груди, и обе рассмеялись легко, по-девичьи, будто не было между ними ни счетов, ни обид, ни настороженности.

В этом смехе, в этом обмене простыми вещами, которые стоили больше, чем казалось, было то, чего не видел ни один мужчина за столом: негласный знак. Если женщины княжеских семей менялись дарами, значит, союза желали, значит, мир возможен, значит, тропка между родами ложилась узкая, но проходимая. Злата знала это. Видана, может быть, тоже чувствовала, не разумом, а тем древним женским чутьем, что тоньше любого договора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.